

КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С.П. Грибановский

Исследована проблема коррупции в системе высшего образования Республики Беларусь. Изучены особенности коррупционных взаимоотношений между учащимися и преподавателями. Раскрыты основные факторы коррупции. Даны рекомендации по противодействию взяточничеству в учреждениях высшего образования.

Введение

Актуальность темы коррупции обусловлена тем, что она представляет собой достаточно распространенное, сложное и многоаспектное социальное явление, оказывающее исключительно негативное воздействие на функционирование общества и всех его подсистем, институтов и организаций.

В настоящее время отсутствует единый научный подход к определению понятия и сущности коррупции. Этимологически данный термин восходит к латинскому языку и включает в свой состав два корневых слова – *cor* (что в переводе на русский означает «сердце», «душа») и *ruptum* (в буквальном значении «портить», «разрушать»). Семантическое поле «коррупции» весьма обширно и вбирает в себя следующие возможные смыслы: «совращение», «подкуп», «порча», «упадок», «превратность», «расстройство», «расшатанность», «плохое состояние» и т.д.

Следует отметить, что активное вхождение понятия «коррупция» в русскоязычный академический тезаурус и повседневный разговорный обиход произошло сравнительно недавно, в начале двадцатого столетия (показательно, что данное слово еще не упоминается в «Толковом словаре великорусского языка» В.И. Даля, изданного в 1865 году). В «Большой советской энциклопедии» коррупция определяется как «преступление, заключающееся в прямом использовании должностным лицом прав, предоставленных ему по должности, в целях личного обогащения» [1], причем особенно подчеркивается характерность этого преступления для эксплуататорских государств и приводится пример одной из присущих такому государству разновидностей коррупции – оплата избирательной кампании кандидата на ту или иную выборную должность, которая впоследствии компенсируется различными услугами. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова коррупция также получает идеологически нагруженное толкование как «подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей в буржуазных странах» [2, с. 256].

Современные теоретические и эмпирические исследования коррупции исходят из объективного ее понимания, учеными признается факт наличия данной проблемы во всех существующих ныне странах безотносительно типа политического режима, формы экономического уклада или социокультурной специфики. В самом общем виде коррупция рассматривается как использование служебного положения для извлечения личной выгоды или злоупотребление публичной властью ради частной выгоды.

В международном праве сложились два подхода к определению коррупции: через строгую дефиницию либо посредством отсылки к перечню коррупционных правонарушений. Первый подход представлен в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года), в котором коррупция трактуется как «совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие» [3]. Второй подход отражен в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (принята резолюцией Генеральной

Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 года), в содержании которой последовательно перечислен список конкретных коррупционных преступлений, как-то: подкуп должностных лиц; хищение; злоупотребление влиянием в корыстных целях; незаконное обогащение; отмывание доходов от преступлений; сокрытие; воспрепятствование осуществлению правосудия и т.д. [4].

В рамках национального права наиболее полное определение коррупции дано в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15 июля 2015 года № 305-З. Суть определения вкратце сводится к тому, что коррупция есть противоправное использование должностным лицом своего служебного положения ради корыстной выгоды.

В научной литературе (юридической, политологической, социологической) описываются и анализируются разнообразные типы коррупции в зависимости от ареала ее распространения, уровня направленности, частоты, параметров добровольности и социальной оценки. Исследователи обычно используют в качестве ключевого классификационного признака масштаб феномена. Согласно данному признаку коррупция способна принимать «крупный» и «бытовой» размах.

«Крупная» коррупция, как правило, поражает влиятельных политиков, госслужащих высокого и среднего ранга, в целом сопряжена с принятием ответственных и «дорогостоящих» решений (лоббирование законов, изменение форм собственности, порядок госзакупок и т.д.). В теории А. Дж. Хайденхаймера «крупная» коррупция получает наименование «черной» по причине ее однозначного неприятия обществом. Этот тип коррупции обычно вызывает озабоченность у национальных правительств, провоцирует пристальный интерес со стороны правоохранительных органов и экспертного сообщества, порождает беспокойство в среде гражданских активистов и рядовых членов социума, а также общественных организаций по борьбе с коррупцией как локальных, так и международных (например, Transparency International).

«Бытовая» коррупция обладает собственными уникальными чертами. Она связана с низовым, рутинным, эпизодическим взаимодействием мелких чиновников и отдельных просителей (физические лица или представители бизнеса). Здесь имеются в виду различного рода взятки в виде подарков, подношений и услуг, которые предоставляются должностному лицу за совершение определенных бюрократических процедур (в качестве такого лица обычно предстает медицинский работник, учитель, сотрудник силового ведомства). Этот тип коррупции обычно не расценивается населением как проблема и образец девиантного поведения, поэтому такую коррупцию иногда именуют «белой». В целом «бытовая» коррупция носит эндемичный характер, институционализована и интегрирована в культуру (традиции, обычаи, ритуалы), что находит свое отражение в языковом поле в виде устойчивых выражений, неологизмов и эвфемизмов («благодарность», «гостинцы», «приносы», «подмазка», «посул», «мзда», «магарыч», «хабар», «бакшиш» и проч.). Важно упомянуть, что наиболее отчетливо «бытовая» коррупция проявляется себя в социальной сфере, а именно: в здравоохранении, соцобеспечении и образовании.

В Республике Беларусь отмечается высокая динамика коррупции как крупного, так и бытового свойства. В 2016 году Генеральной прокуратурой РБ было учтено 1593 коррупционных преступления (в 2015 году – 1603), причем по сравнению с предыдущим годом возросло количество учтенных фактов получения взяток (с 542 до 713), бездействия должностного лица (с 6 до 15) и незаконного участия в предпринимательской деятельности (с 1 до 3) [5]. Таким образом, значительную долю коррупции в стране составляют выявленные случаи взяточничества (45 %).

Примечательно, что образовательная сфера белорусского общества выступает одной из наиболее коррупциогенных. Согласно официальным статистическим данным, в первой половине 2016 года больше всего коррупционных преступлений было зарегистрировано в торговле (72), промышленности (57) и образовании (48) [6].

Акцентируем особое внимание на коррупции в системе образования.

Изучению коррупции в образовании посвящены многочисленные труды как зарубежных,

так и отечественных исследователей. В нашей стране данная проблематика затронута в публикациях А.А. Дыжовой, Е.М. Бабосова, В.И. Берестеня, Ю.М. Бубнова, Г.А. Василевича, А.М. Хлуса. Весомый вклад в рассмотрение вопроса внесли российские ученые (А.А. Гаврилов, О.Н. Гегечкори, Е.Б. Галицкий, И.Л. Грошев, И.А. Дамм, М.И. Левин, В.Л. Римский, Л.О. Сенчукова, И.О. Шевченко, А.В. Шмаков) и западные специалисты (К. Андерсон, Э. Клейн, С. Хейнеман).

Согласно удачному определению И.А. Дамма, коррупция в образовании – это «негативное социально-правовое явление, существующее в общественных отношениях в сфере образования и заключающееся в противоправном использовании должностного положения, статуса участниками отношений в сфере образования в целях извлечения выгод материального и (или) нематериального характера для себя или третьих лиц, а равно в предоставлении таких выгод» [7, с. 13].

Коррупционные риски в образовании, по мнению Э. Клейна, могут прослеживаться на трех уровнях: 1) до начала учебы (в период поступления), 2) в процессе обучения (для обеспечения успеваемости), 3) по завершении обучения (для получения ученой степени или звания) [8, с. 60–61]. На наш взгляд, представленный подход эвристичен и позволяет охватить широкий круг коррупционных взаимодействий в учреждениях образования различного типа.

Выделим следующие формы коррупции (взяточничества) на первом уровне, до начала учебы:

- взятка должностному лицу или приемной комиссии за поступление в УО;
- взятка за допуск к подготовительным курсам;
- взятка за услуги репетитора, являющегося членом приемной комиссии;
- взятка за результаты ЦТ;
- взятка за покровительство при оформлении документов или при медосмотре;
- взятка при решении вопросов проживания или за распределение места в общежитии;
- взятка за содействие в прописке.

Диапазон коррупционных рисков расширяется на этапе обучения:

- взятка за положительную оценку на экзамене или зачете (в денежном эквиваленте или в виде подарка, к примеру, алкогольного напитка или коробки конфет);
- взятка за перевод на следующий курс или на другое отделение (факультет);
- взятка преподавателю за выполнение курсовой работы или дипломного проекта;
- плата за формирование материально-технической базы УО;
- плата за библиотечное обслуживание;
- навязывание преподавателем покупки учебников, методических пособий учащимся;
- навязывание преподавателем платных факультативов и консультаций учащимся.

На этапе выпуска из учебного заведения возникают специфические виды коррупции:

- взятка за оформление фиктивных документов об окончании УО;
- покупка диплома у должностного лица или через посредника;
- взятки при распределении выпускников УО.

Кроме этого важно учесть крупную коррупцию, опоясывающую верхушку административно-управленческого аппарата УО:

- плата проверяющему органу за аккредитацию УО;
- нецелевое использование или кража бюджетных средств.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проанализировать особенности коррупционных отношений, складывающихся в процессе обучения между педагогическими работниками и учащимся в высших учебных заведениях.

Результаты исследований и их обсуждение

В 2017 году в рамках реализации научного проекта № ГЗ 16-19 «Социальные факторы противодействия коррупции в современном белорусском обществе» (государственная программа научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского

общества», 2016-2020 годы) коллективом исследователей Могилевского государственного университета продовольствия был проведен анкетный социологический опрос студенческой молодежи Беларуси и России, посвященный измерению уровня коррупции в системе высшего образования (репрезентативная выборка $n = 1036$, где 780 опрошенных – это учащиеся белорусских вузов и 256 – российских). Главным образом нами опрашивались студенты старших курсов (3, 4, 5-ые курсы) в силу их большей информированности о предмете исследования.

Сенситивность темы опроса предопределила необходимость более гибкого подхода к разработке дизайна анкеты, формулировке ее вопросов и ответов. С целью установления психологически доверительного контакта между социологом и респондентами мы намеренно не включили в инструментарий слова с однозначной негативной коннотацией («преступление», «взятка» и проч.), которые способны вызвать у опрашиваемых чувства страха, отчуждения и, в конечном счете, нежелание давать искренние ответы. Наиболее жесткие и экспрессивные словосочетания были заменены нейтральными эквивалентами («неофициальное подношение», «подарок»).

Данные проведенного опроса красноречиво свидетельствуют о том, что коррупционные паттерны поведения закладываются у учащихся еще в период освоения ими базового образования. Эта тенденция фиксируется и в белорусских, и российских реалиях. Так, например, выяснилось, что в прошлом каждый третий студент отечественного вуза (30,4 %) «дарил» цветы своему школьному учителю с целью повышения оценки по учебному предмету. Почти четверть всех опрошенных (24,2 %) умышленно баловали своих учителей конфетами и шоколадом ради завышенных отметок. Отнюдь не бескорыстно помогали родственникам учителей 12 % респондентов, а 8,5 % достигали хорошей успеваемости, пуская в дело хрустальные изделия и посуду. Канцелярскими изделиями умащивали дорогих учителей 7,9 % вчерашних школьников, алкогольными изделиями – 5,3 %, бытовой техникой – 5 %, а 4,6 % покупали благосклонность педагогов подарочными сертификатами.

Бесспорно, школа становится стартовой точкой развития коррупционной карьеры студентов. Это, в свою очередь, заметно ослабляет институциональные и личностные усилия, направленные на прекращение коррупционной карьеры в учреждениях высшего образования и после их окончания уже на этапе трудовой социализации.

Результаты опроса продемонстрировали достаточную степень осведомленности студентов о фактах коррупции в стенах их *alma mater*. Согласно полученным данным, 22,8 % белорусских студентов-старшекурсников слышали о практике неофициальных подношений в вузе, а 76,2 % утверждают, что им ничего об этом неизвестно. При этом российские учащиеся сообщают о взяточничестве чаще, нежели белорусские (32 %). Таким образом, мы можем говорить о том, что почти каждый четвертый белорусский студент кое-что знает об университетском мздоимстве.

Информацию, касающуюся неофициальных подношений в вузе, наши студенты черпают из самых разных источников, но, как правило, им об этом рассказывают другие учащиеся (так ответили 25,4 %). Данный факт следует воспринимать критически, так как сведения о коррупции, распространяемые студентами посредством «сарафанного радио», могут оказаться ложными, недостоверными и не выходящими за рамки слухов. Важными каналами информации также выступают виртуальные социальные сети (6,2 %) и традиционные СМИ (4,7 %). Студенты реже узнают о вузовской коррупции из разговоров с преподавателями (3,9 %) и из уст собственных родителей (3,2 %). Основная масса участников опроса (70,2 %) призналась, что ничего не знает о неофициальных подношениях преподавателям в вузах.

Существенный исследовательский интерес представляют сведения о готовности студентов вступать в коррупционные отношения. На вопрос «Что бы Вы предпочли в ситуации сложного экзамена или зачета?» 60,5 % белорусских студентов ответили – «затратить дополнительное время на подготовку», но в тоже время 32,4 % планируют прибегнуть к «студенческим хитростям» (здесь, в первую очередь, подразумеваются шпаргалки), а 6 % четко настроены преподнести подарок преподавателю (среди российских учащихся

наблюдается практически идентичный показатель – 5,9 %). В сумме получается, что 38,4 % опрошенных изначально предрасположены к «нечестной игре» на сложном контрольном испытании (рисунок 1).

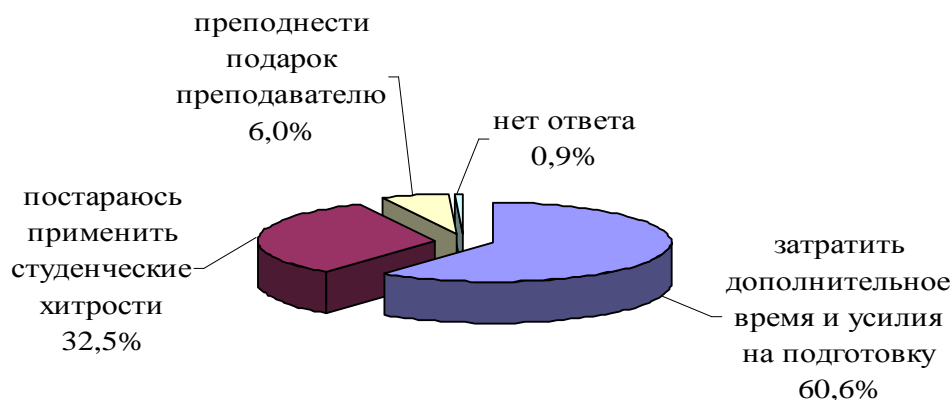

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Что бы Вы предпочли в ситуации сложного экзамена или зачета?»

Коррупционные установки студенческой молодежи в полном объеме уточняются и раскрываются в следующем вопросе: «Считаете ли Вы возможным для себя делать подношения преподавателям за экзамен или зачет?». Чуть более половины опрошенных студентов (51,6 %) заявили, что считают это неприемлемым в принципе. Однако 22,9 % анкетированных признались, что в зависимости от ситуации и возможностей сделают подношение преподавателю, а 3 % и вовсе будут всегда полагаться на подарок. Симптоматично, что 20,5 % студентов затруднились с ответом, а это значит, что они также входят в группу коррупционного риска в виду отсутствия у них устойчивого «иммунитета» к взяточничеству. Суммарно когорту потенциальных взяткодателей составляют 46,4 % учащихся УВО.

В ходе опроса мы выяснили, что 15,6 % учащихся отечественных вузов уже имели опыт вручения подарков своим наставникам в период сессии, а 70,3 % никогда этого не делали (среди российских студентов выявлено несколько большее число «дарителей» – 20,7 %). Любопытно, что 12,6 % белорусских студентов не захотели отвечать на вопрос, случалось ли им дарить подарки преподавателям в связи с экзаменами или зачетами. Заметим, что в контексте нашего исследования любая уклончивая форма ответа может трактоваться как косвенное доказательство вероятной вовлеченности в коррупцию.

Частота неофициальных подношений, совершаемых учащимися в сессионную пору, может быть охарактеризована нами как умеренная. Практически на каждом экзамене или зачете «подмазывали» лишь 2 % учащихся и еще 2,1 % поступали так примерно в половине случаев. Один или несколько раз делали презент экзаменатору 13,5 % юношей и девушек. Никогда не участвовали в подношениях 68,1 % студентов, а 12,5 % не пожелали отвечать на чувствительный вопрос (рисунок 2).

Зачетно-экзаменационная сессия, безусловно, создает благоприятный фон для возникновения коррупционных интеракций между учащимися и преподавателями. Между тем область неофициальных подношений в образовании простирается шире и предполагает подкуп вузовского персонала по самым разным мотивам. Опрос показал, что 3,2 % студентов дарили подарки преподавателям за предоставление готовой контрольной или курсовой работы, 2,1 % делали «приносы» за пропуск друзей или родственников в общежитие, 1,9 % - за оставление друзей или родственников в общежитие, 1,6 % пытались компенсировать подарком обязательную отработку пропущенных занятий.

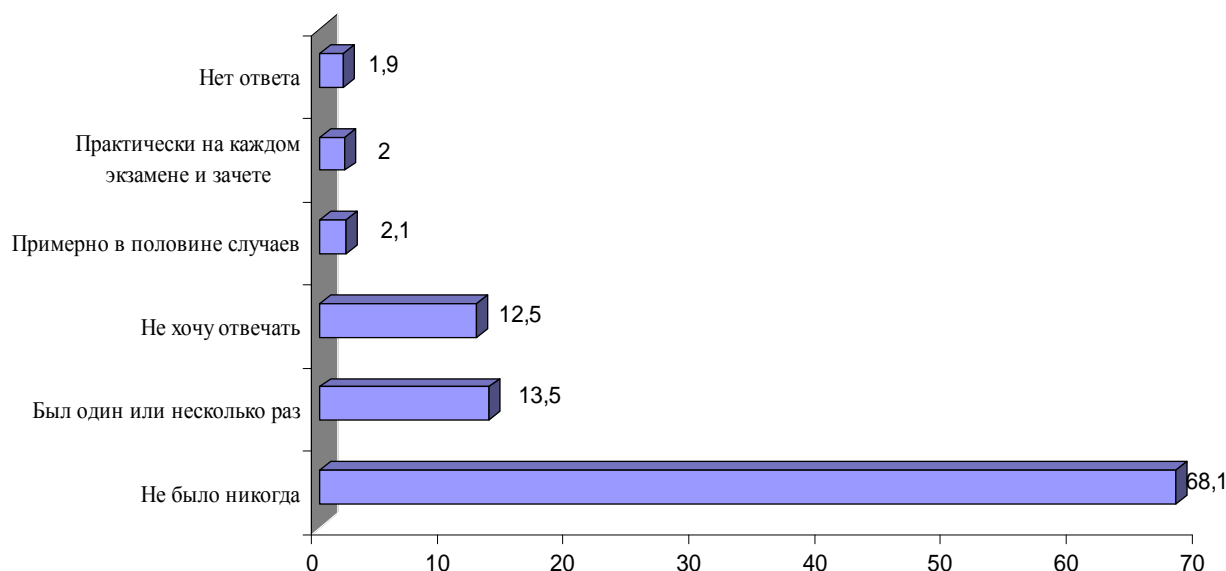

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как часто Вам приходилось участвовать в подношении преподавателям подарков во время сессии?»

Основываясь на первичной социологической информации, мы составили своеобразный рейтинг наиболее востребованных типов «подарков» (таблица 1). Первая позиция в рейтинге вполне ожидаемо представлена букетами цветов (24,8 % студентов одаривали ими своих преподавателей во время сессии), вторую строчку занимают конфеты и шоколад (15,6 %), замыкают лидерскую тройку кофе и чай (9 %). Заслуживают упоминания другие статистически значимые позиции – спиртные изделия (7,7 %) и деньги в иностранной валюте (3,2 %). Как видим, будущие специалисты стремятся заработать положительную оценку на экзамене или зачете с помощью цветов, сладостей и алкоголя. Ценные товары (бытовая техника, компьютерные устройства, предметы гардероба) используются в качестве подношений не так часто, что может быть обусловлено целым комплексом причин: укоренившимся в университетских аудиториях стандартом недорогих почестей, ограниченными материальными возможностями белорусского студенчества, скромными коррупционными аппетитами преподавателей-вымогателей.

Таблица 1 – Рейтинг неофициальных подношений в белорусских вузах

Ранг	Тип подарка	Процент
1	Цветы	24,8
2	Конфеты и шоколад	15,6
3	Кофе и чай	9,0
4	Спиртные изделия	7,7
5	Деньги в иностранной валюте	3,2
6	Сувениры	1,7
6	Авторучки	1,7
8	Книги	1,6
9	Фрукты	1,3
10	Деньги в отечественной валюте	1,1

Студенты УВО практикуют преимущественно личный способ передачи подарка «из рук в руки» (13,4 % обследуемых). В зависимости от ситуации избирают лучший способ 4,2 % респондентов, а 3,4 % стараются действовать через посредника. Технологичные способы «благодарности», обеспечивающие относительную незаметность и безопасность процедуры,

распространены слабо (только 0,9 % учащихся перечисляют денежные суммы на счет преподавателя в банке и 0,1% осуществляют перевод по почте). Почти половина опрошенных (47,4 %) ничего не знает о конкретных приемах дачи взятки.

Коррупционные взаимоотношения между студентами и преподавателями складываются на добровольной основе. Более того, сами учащиеся проявляют изрядное рвение. Установлено, что инициируют неофициальные подношения как все члены студенческой группы (8 % ответов), так и отдельные студенты (6,6 %), включая старосту группы (2,9 %). Впрочем, инициатива может исходить от разных субъектов в зависимости от условий ситуации или учебной дисциплины (5,6 %). Вопреки расхожим стереотипам, преподаватель редко играет роль просителя взятки (1,4 %). Необходимо принять к сведению, что 41,1 % не замечали противоправной активности с чьей-либо стороны, а 26,1 % просто не знают, кто именно является инициатором подарка. Не хотели бы отвечать на вопрос 4,6 % учащихся.

Важный компонент коррупционных установок студенчества – это субъективное отношение к преподавателям, берущим «посулы» (рисунок 3). Здесь мы сталкиваемся с очень тревожной статистикой: 7,7 % положительно относятся к нечистым на руку педагогам, нейтрально характеризуют мздоимцев 43,3 %, а 31,9 % рассуждают так: если преподаватель берет цветы, то это – хорошо, а если деньги – плохо (что, конечно, является довольно противоречивой позицией, так как и первое, и второе обоснованно подпадает под определение коррупции). Строго отрицательно оценивают преподавателей, принимающих подарки, всего 12,6 % белорусских студентов (среди студентов российских вузов уровень нетерпимости выше – 23 %), а 4,4 % так и не определились с ответом.

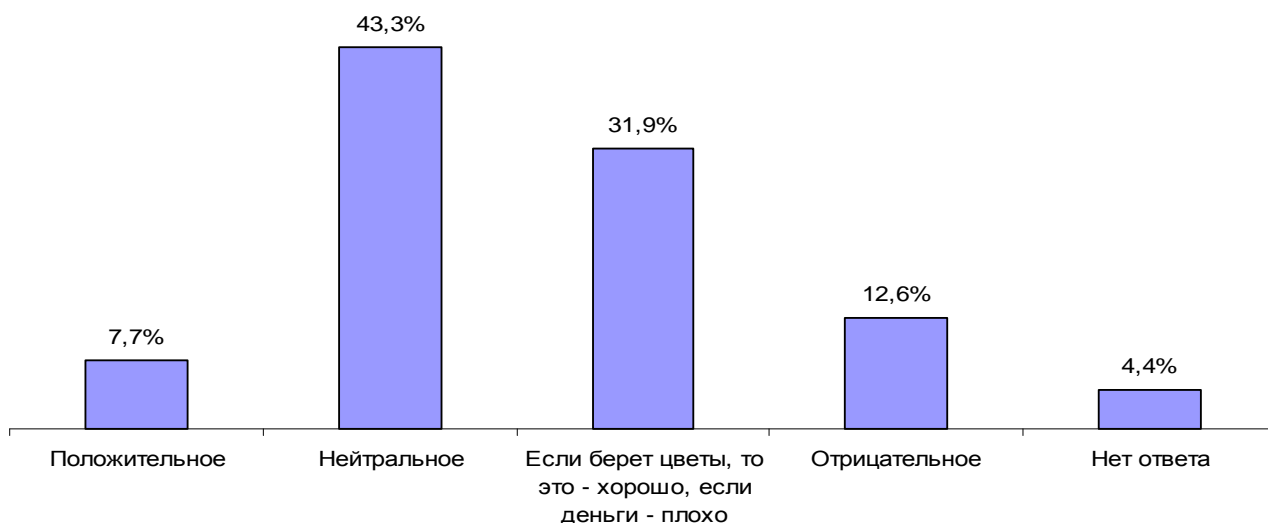

Рисунок 3 – Отношение студентов к преподавателям, принимающим подарки в период сессии

Индифферентное и даже лояльное отношение студентов к преподавателям-взяточникам служит серьезным препятствием для успешного ведения антикоррупционной кампании в высшей школе. Мы вынуждены констатировать, что активно поддерживают борьбу с неофициальными подношениями в вузах чуть более трети учащихся (39,1 %), практически ровно столько же (38,5 %) затрудняются говорить о целесообразности подобного рода борьбы, а 18,2 % студентов твердо убеждены в ее ненужности.

Государственная программа противодействия коррупции в учреждениях образования, на наш взгляд, должна выстраиваться последовательно и поэтапно, начиная со школьной скамьи. В противном случае взяточничество способно стать базовой стратегией мышления и поведения молодого человека, конвенциональным сценарием достижения профессионального и жизненного успеха в обществе. Такого рода исход описывает ненормальное,

аномическое состояние социума, грозящее ему значительными экономическими потерями и морально-нравственными издержками.

Подводя условную черту конкретно-социологической части нашей работы, мы хотели бы отдельно остановиться на анализе причин и факторов, детерминирующих коррупцию в белорусских вузах.

По нашему мнению, основные факторы коррупции в системе высшего образования таковы:

1 Социокультурные (или исторические) причины. Коррупция в белорусском образовании имеет давние традиции и берет свое начало еще со средневековой эпохи (XI век), когда получила широкое хождение и легальный статус практика «кормления» чиновников в виде почестей (еды) и денег. Эта порочная практика неформально закрепились в университетах советского государства и была унаследована высшими учебными заведениями суверенной Беларуси. Потому неудивительно, что в последние годы члены белорусского научного сообщества все чаще и все смелее отстаивают идею о частичной легализации бытовой коррупции. Известный отечественный правовед Г.А. Василевич неоднократно озвучивал подобную идею применительно к сфере здравоохранения. «Учитывая сложившиеся традиции, – развивает мысль ученый, – искоренить желание человека отблагодарить врача, который исцелил его, спас от смерти, будет трудно. Проще в таком случае «легализовать» возможности соответствующей благодарности со стороны пациента по примеру некоторых западных государств» [9, с. 120]. По нашему убеждению, это очень спорная рекомендация, так как либеральная (разрешительная) парадигма интенсифицирует лавинообразный рост и бытовой, и крупной коррупции, что подтверждается эмпирически. Существует прямая взаимосвязь между уровнем бытовой и крупной коррупции. Исследователь О.С. Козлов доказал, что борьба с крупной коррупцией автоматически приводит к уменьшению уровня бытовой коррупции вдвое [10, с. 26]. Поэтому мы считаем, что слом коррупционных традиций разумно начинать на высшем уровне. Все силы государства должны быть брошены на противодействие коррупции среди высокопоставленных чиновников (как ролевых моделей взяточничества), а не на легализацию мелких подношений в здравоохранении и образовании.

2 Социально-экономические условия. В первую очередь, здесь имеются в виду недостаточное финансирование государством образовательной сферы и вытекающее из этого неблагоприятное материальное положение педагогических кадров. Согласно статистике международной организации The World Bank, Республика Беларусь в 2016 году занимала 83 место в мире по уровню расходов на образование (4,5 % от валового внутреннего продукта) [11]. В 2017 году расходы республиканского бюджета на образование были запланированы в объеме 808 млн. рублей, в то время как на силовой блок (судебная власть, правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности) в два раза больше – 1,8 млрд рублей [12], что несколько диссонирует с конституционно декларируемыми принципами социального государства. Слабая финансовая поддержка высшей школы закономерно ведет к снижению в ней размеров заработных плат. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2016 году номинальная начисленная средняя заработная плата работников образования составила 510,7 рублей (ниже только в сельском хозяйстве – 507,6), при том, что средняя зарплата по стране приблизилась к 722 рублям [13]. Скучное официальное жалование и нехватка элементарных средств к существованию вынуждают преподавателей искать иные источники обогащения, в том числе, коррупционные.

3 Правовая культура в обществе. До сих пор в нашей стране сохраняется достаточно низкий уровень правовой культуры населения, особенно молодежи. По данным исследований академика Е.М. Бабосова, каждый четвертый белорус (41,6 %) примиренчески относится к коррупционным деяниям [14, с. 175]. Социологический опрос, проведенный правоведом А.А. Дыжовой в 2010 году среди молодежи в возрасте от 18 до 31 года, показал, что 61,6 % юношей и девушек допускают для себя возможность нарушения закона при определенных обстоятельствах и лишь 31,3 % не допускают нарушения ни при каких обстоятельствах [15, с. 180]. Правовой нигилизм, незнание конституционных основ государства,

пренебрежение базовыми законами и общественными нормами – все это подталкивает молодежь к активной коррупционной самореализации.

4 Морально-нравственная обстановка. Общее падение нравственности в обществе приводит неминуемо к росту всех видов преступлений, включая коррупционные. Безнравственное общество определяется тем, что в нем утрачивают свой вес такие ценности, как трудолюбие, честность, взаимопомощь и т.д. Приметы такого общества, к сожалению, обнаруживаются и у нас. Социологический опрос студенческой молодежи Гомельской области, реализованный в 2016 году ученым В.В. Кириенко, установил, что только 7 % респондентов считают такие личностные качества, как совесть и сострадание, эффективными для обеспечения материального благополучия [16, с. 99].

5 Актуальное состояние системы высшего образования. В Республике Беларусь постоянно ведутся работы по реформированию системы высшего образования, в том числе исходя из требований Болонского процесса, к которому страна условно присоединилась в мае 2015 года. Однако качество реформ подвергается критике со стороны ряда экспертов. Все чаще высказываются мнения о том, что высшее образование низведено до уровня примитивного потребления образовательных услуг, что формальные показатели затмили собой качественные, что дипломы ценятся выше, нежели конкретные знания. Как справедливо пишет белорусский социолог Ю.М. Бубнов, «...до тех пор, пока формальный признак высшего образования (диплом) будет превосходить или по меньшей мере сопоставляться по значимости с реальными компетенциями выпускников, у студентов сохранится соблазн по коррупционной схеме получить заветную оценку» [17, с. 121]. Формализация университетского образования как предпосылка коррупционных инцидентов не есть уникальный белорусский кейс. Это глобальная тенденция, являющаяся частью процесса макдональдизации современных обществ. Согласно концепции американского социолога Джорджа Ритцера, макдональдизация общества – это процесс, благодаря основным принципам которого ресторан быстрого питания McDonald's добивается доминирования в разных сферах жизни американского общества и остального мира. Макдональдизация покоится на четырех принципах: эффективность, просчитываемость, предсказуемость и контроль. «МакДональдс-образование» главный акцент делает на просчитываемости, иначе говоря – на количественных аспектах предоставляемых услуг. По этому поводу Дж. Ритцер пишет следующее: «...главное – это скорее, сколько студентов (то есть продуктов) можно прогнать через систему, и какие оценки им поставят, а вовсе не качество того, чему их учат, и какой опыт они получают» [18, с. 231]. Вне всяких сомнений, макдональдизация становится мощным катализатором коррупции в системе высшего образования.

6 Социальный престиж работы в сфере образования. Сегодня большинство наших граждан полагают, что трудиться в сфере образования и науки непрестижно. Этот факт подтверждается результатами общереспубликанских социологических опросов. Так, например, в 2013 году сотрудники Института социологии НАН Беларуси выяснили, что только 20,8 % белорусов считают работу в образовании престижной, а 55,8 % (в 2,7 раза больше) оценивают ее как непрестижную [19, с. 105]. Стигматизированные как представители низкостатусной и непрестижной профессии педагоги вполне вероятно будут преодолевать (или же наоборот, оправдывать) негативное клеймо посредством коррупционных правонарушений.

7 Особенности индивидуального поведения субъектов образования. С точки зрения теории рационального выбора, учащиеся и преподаватели вступают в коррупционные отношения, рассчитывая свои выгоды (подарок, услуга) и издержки (осуждение окружающих, уголовное преследование). Как пишут исследователи И.О. Шевченко и А.А. Гаврилов, «...сумма взяток при поступлении или в процессе учебы обусловлена не просто рыночным спросом и предложением, а учетом выигранного времени и сил, которые могут быть затрачены на самостоятельное прохождение данных испытаний» [20, с. 119]. Взятки гарантируют студентам легкость обучения и дают шанс подработать вместо учебы, а преподавателям, в первую очередь, сулят дополнительный и необлагаемый налогами заработок. Обе стороны оказываются в выигрыше, так как существенно экономят время и физические силы,

направляя их в русло более приятного, досугового времяпровождения. Как верно заключают исследователи Е.Б. Галицкий и М.И. Левин, взяточничество в учреждениях образования «индивидуально рационально и внутренне оправдано для обеих сторон: и для тех, кто дает, и для тех, кто берет взятки» [21, с. 50].

Таким образом, минимизация «рациональности» коррупции есть необходимый шаг по ее искоренению. В первую очередь, мы имеем в виду ужесточение санкций даже в случае ограниченной коррупционной выгоды. Вместе с тем репрессивные методы противодействия коррупции в учреждениях высшего образования обязательно должны дополняться превентивными мерами, к коим мы можем отнести следующие: 1) проведение регулярного социологического мониторинга коррупционной обстановки в УВО (авторитетный западный специалист С. Хейнеман установил, что повторные обследования способны существенно сократить уровень коррупции [22, с. 102]) 2) постоянное информирование учащихся и сотрудников УВО об опасности коррупционных правонарушений (чтение лекций, индивидуальные беседы, публикации о проблеме коррупции в университетских изданиях, организация встреч с представителями органов правопорядка в вузе), 3) принятие этического (антикоррупционного) кодекса в учреждениях образования, 4) работа анонимного телефона доверия для студентов, ставших свидетелями взяточничества либо его жертвами, 5) создание публичных студенческих сообществ в интернете (например, в социальной сети «ВКонтакте») для обмена сведениями о вымогательстве взяток, 6) внедрение дистанционных форм обучения (например, контроль знаний по Skype), сокращающих живое общение, установление неформальных связей и прямую передачу подношений.

Заключение

В результате проведенных исследований изучены особенности бытовой коррупции в системе высшего образования Республики Беларусь. Выявлена достаточно высокая степень готовности студенчества вступать в коррупционные взаимоотношения, зафиксирована умеренная частота и добровольный характер коррупционных сделок в белорусских университетах, определены наиболее популярные виды взяток (цветы, продукты питания и напитки), установлена взаимосвязь между вузовским и школьным мздоимством, диагностировано безразличное отношение учащихся к преподавателям-взяточникам и проблеме коррупции в целом, раскрыты ключевые факторы коррупции в системе высшего образования (исторические, экономические, правовые, морально-нравственные, системно-образовательные, индивидуальные). Полученные результаты могут быть использованы при чтении курса лекций по дисциплине «Противодействие коррупции» в учреждениях высшего образования Республики Беларусь.

Литература

- 1 Коррупция // Онлайн-версия Большой Советской Энциклопедии [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/>. – Дата доступа: 26.05.17.
- 2 Ожегов, С.И. Коррупция / С.И. Ожегов // Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов/ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 256.
- 3 Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml. – Дата доступа: 26.05.17.
- 4 Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml. – Дата доступа: 26.05.17.
- 5 Борьба с коррупцией // Сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=49983#doc>. – Дата доступа: 26.05.17.
- 6 Больше всего коррупционных преступлений насчитали в торговле, промышленности и образовании // Белорусский портал TUT.BY [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/501898.html>. – Дата доступа: 26.05.17.
- 7 Дамм, И. А. Коррупция в сфере образования: понятие, характерные черты, формы и виды / И.А. Дамм // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – № 4. – С. 5 – 17.
- 8 Клейн, Э. Коррупция в российских вузах / Э. Клейн // Terra Economicus. – 2011. – № 1. – С. 60 – 70.

- 9 Василевич, Г.А. Сочетание мер правового и общественного воздействия – важнейший фактор противодействия коррупции / Г.А. Василевич // Проблемы управления. – 2014. – № 3. – С. 115 – 120.
- 10 Козлов, О.С. Эмпирический анализ определяющих факторов и взаимосвязи крупной и бытовой коррупции: роль институтов / О.С. Козлов // Журнал институциональных исследований. – 2012. – № 2. – С. 11 – 31.
- 11 Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование // Информационно-аналитический портал «Гуманитарные технологии» [Электронный ресурс] – 2017. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info>. – Дата доступа: 26.05.17.
- 12 Бюджет Беларуси – 2017. Госрасходы: кому сколько // Сайт белорусских исследований Thinktanks.by [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2016/11/10/byudzhet-belarusi-2017-gosrashody-komu-skolko.html>. – Дата доступа: 26.05.17.
- 13 Номинальная начисленная средняя заработная плата работников Республики Беларусь по отдельным видам экономической деятельности в 2016 году // Сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud/graficheskii-material_4/nominal_nachislennaya_sredn_zar_plata-rabotnikov_poved_2015/. – Дата доступа: 26.05.17.
- 14 Бабосов, Е.М. Социологические очерки устойчивого развития Беларуси / Е.М. Бабосов. – Мн.: РИВШ, 2011. – 248 с.
- 15 Дыжова, А.А. Низкий уровень правовой культуры молодежи Могилевской области, как одно из оснований совершения ими противоправных действий / А.А. Дыжова // Проблемы устойчивого развития региона; материалы республиканской научно-практической конференции, Могилев (25 марта 2011 г.) / Под ред. А.В. Иванова. – Могилев, 2011. – С. 179 – 181.
- 16 Кириенко, В.В. Социально-стратификационные и мотивационно-деятельностные характеристики студентов как факторы успешности освоения профессиональных знаний и навыков / В.В. Кириенко // Социология. – 2016. – № 1. – С. 94 – 103.
- 17 Бубнов, Ю.М. Коррупция в системе образования / Ю.М. Бубнов // Социология. – 2014. – № 4. – С. 112 – 121.
- 18 Ритцер, Дж. Макдональдизация общества 5 / Дж. Ритцер. – М.: Издательство и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 592 с.
- 19 Бабосов, Е.М. Модернизация социальных систем / Е.М. Бабосов. – Мн.: Белорусская наука, 2014. – 257 с.
- 20 Шевченко, И.О. О теневых экономических отношениях в сфере высшего образования / И.О. Шевченко, А.А. Гаврилов // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 118 – 125.
- 21 Галицкий, Е.Б. Коррупция в российской системе образования. Во что обходится семье образование ребенка // Е.Б. Галицкий, М.И. Левин // Народное образование. – 2004. – № 10. – С. 45 – 52.
- 22 Хейнеман, С. Цена коррупции в секторе высшего образования / С. Хейнеман, К. Андерсон, Н. Нуралиева // Вопросы образования. – 2008. – № 3. – С. 77 – 104.

Поступила в редакцию 30.05.2017